

БАЙРОНЪ.

Заключительная часть реферата „Пушкинъ и Байронъ“, читаннаго въ Пушкинскомъ Семинаріи Спб. унив. (17 нояб., 1 и 8 дек. 1911 г. и 8 марта 1912 г.).

XIII.

Гете, увѣковѣчивая во второй части Фауста въ образѣ Эвфоріона обаятельную личность Байрона, изобразилъ его неудержимо стремящимся, радостно прыгающимъ все выше и выше со скалы на скалу.

Пустите прыгать, пустите мчаться,
Хочу на воздухъ я весь подняться,—
Во мнѣ лишь этотъ призывъ одинъ.
Миръ и во снѣ у васъ; снись онъ вамъ въ добрый
часть.—

Я на борьбу иду, тамъ я побѣды жду! ¹⁾

Это аллегорическое изображеніе вѣчно дѣйствующаго, взбирающагося на опасныя высокія кручи юнаго Эвфоріона проникновенно передаетъ сущность характера Байрона, другую непреходящую и неизмѣнную черту (первой органической чертой характера Байрона мы считали скорбь; о ней идетъ рѣчь въ первыхъ двѣнадцати главахъ) его душевнаго склада—активность.

Эта черта была, несомнѣнно, врожденной, можетъ быть, унаслѣдованной отъ тѣхъ скандинавскихъ берсеркировъ, про которыхъ говоритъ Тэнъ въ своей характеристикѣ Байрона. Здѣсь, по его выраженію, сказался „инстинктъ крови; такими рождаются, какъ рождаются львомъ или бульдогомъ“. Жизнь и обще-

¹⁾ Фаустъ, ч. II, актъ III.

ственные условия, какъ мы уже указывали, складывались именно такъ, что дѣйствія, въ истинномъ значеніи этого слова, подходящаго для такой героической натуры, какъ Байронъ, не было и не могло быть. Отсюда мучительная неудовлетворенность и вѣчныя попытки создать хотя бы суррогатъ дѣйствія. Разумѣется, эта врожденная активность должна была и стремилась выразиться въ протестъ и борьбу, по преимуществу. Если весьма многіе способны признать за настоящее дѣйствіе свои научныя, административныя, коммерческія занятія, то личность Байрона не могла мириться и удовлетворяться подобными проявленіями активности и особенно въ ту трагическую для гордой индивидуальности эпоху, когда жилъ и мыслилъ поэтъ. Скорбь міра и скорбь за міръ, образы Манфреда и Каина взывали къ нему, къ лучшему гражданину XIX вѣка, и указывали на борьбу, какъ на единственную цѣль жизни!

Идея разумнаго протеста и потребность борьбы, какъ результатъ его врожденной активности, жили тоже изначально въ душѣ Байрона и проявлялись уже въ очень ранніе годы. Хорошо извѣстенъ и необычайно характеренъ слѣдующій рассказъ, передаваемый многими біографами его. Однажды онъ, восьми лѣтъ, присутствовалъ на представленіи комедіи Шекспира „Укрощеніе строптивой“. Во время діалога, происходящаго на дорогѣ между Катариной и Петруччіо, когда первая утверждаетъ, что свѣтитъ луна, а второй настаиваетъ на солнцѣ (IV, 5), маленькій Байронъ поднялся съ своего мѣста и громко крикнулъ: „Но я говорю вамъ, сударь, что это луна“ ¹⁾. Не менѣе типиченъ и другой случай изъ дѣтства поэта, рассказъ о которомъ также очень распространенъ: „однажды въ Гарроу старшій ученикъ тузилъ друга Байрона Пиля (впослѣдствіи министра) и, видя его упорство, билъ по рукѣ, которую скрутилъ, чтобъ усилить боль. Байронъ, тогда еще слишкомъ маленькій, чтобы справиться съ

¹⁾ Elze, 24.

мучителемъ своего пріятеля, подошелъ къ нему, весь красный отъ бѣшенства, со слезами на глазахъ, и спросилъ дрожащимъ голосомъ, сколько ударовъ онъ намѣренъ еще дать. „А тебѣ что за дѣло, маленькій болванъ?—А то, что я желалъ бы получить половину“, отвѣтилъ будущій поэтъ ¹⁾).

Думаемъ, что хотя бы эти два случая изъ ранняго дѣтства Байрона достаточно подчеркиваютъ жажду борьбы и дѣйствія въ его душѣ.

Когда же пришла пора самому выступить дѣятелемъ въ дѣлѣ жизни, то при первомъ соприкосновеніи съ ней ему довелось начать нешуточную борьбу, отстаивая свое право, свое достоинство. Зловѣщій и несправедливый, какъ нами было уже указано, неуспѣхъ его отроческихъ и юношескихъ произведеній заставилъ поэта приготовиться къ борьбѣ, правда, словесной. Но таковъ уже былъ удѣлъ Байрона: всегда, всю жизнь стремившійся быть борцомъ дѣла, истиннымъ выразителемъ активности, онъ всю почти жизнь оставался борцомъ слова и трагически переживалъ безпомощность своихъ стремленій.

Правда, всѣ его сатиры, отъ „Англійскихъ бардовъ и Шотландскихъ обозрѣвателей“ до „Видѣнія суда“ и „Донъ-Жуана“, ясно свидѣтельствуютъ о потребности борьбы и проявленіи той же активности; но Байронъ, самъ про себя сказавшій:

Вся жизнь моя—борьба со дня рожденья ²⁾,

не могъ смотрѣть на нихъ и на все свое творчество, какъ на результатъ настоящей борьбы и дѣятельности, и только за неимѣніемъ иного со всею горячностью отдавался поэзіи, — ибо, по его словамъ, „единственнымъ и искреннимъ побужденіемъ писать у него являлась необходимость отвлекать себя отъ себя же“ Въ 1817 году онъ писалъ Муррею изъ

¹⁾ Тэнъ. Лордъ Байронъ, стр. 367.

²⁾ Посланіе къ Августѣ, III.

Венеціи: „Если я проживу еще 10 лѣтъ, вы увидите, что на мнѣ рано ставить крестъ,—я разумѣю *не литературу*, потому что она ничего не стоитъ, и достаточно грустно и странно сказать,—я не считаю ее своимъ призваніемъ. Но вы увидите, что я что-нибудь да сдѣлаю еще, сообразно времени и обстоятельствамъ, что поразить философовъ всѣхъ времянъ“. „Дѣла, дѣла, твержу я“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „а не писаніе, въ особенности—не писаніе стиховъ“. Поэтому онъ съ радостью откликнулся на возможность принять участіе, какъ пэръ Англіи, въ засѣданіяхъ верхней палаты и, по возвращеніи изъ путешествія, трижды выступилъ въ палатѣ лордовъ. Но и это говореніе, въ которомъ слишкомъ мало было присущей ему активности, не удовлетворило Байрона. А, между тѣмъ, потребность и жажда дѣйствія оставались не утоленными и, если не въ борьбѣ, то въ другомъ какомъ-нибудь напряженіи физической силы надо было найти утоленіе своей жажды,—будь то грандіозныя путешествія, предпріятыя имъ въ теченіе всей жизни; будь то вѣчные поиски опасностей и рискованныхъ приключеній; будь то, наконецъ, постоянная любовь къ закаленію своего тѣла и духа.

Что же касается той борьбы, которую ему пришлось вынести со своей женой и съ враждебно настроеннымъ обществомъ, то это, конечно, не была въ томъ смыслѣ борьба, какъ ее понималъ Байронъ. Да и во всемъ семейномъ и общественномъ конфликтѣ ему приходилось попрежнему бороться своей жестокой сатирой и въ пѣсняхъ изливать свою скорбь. Вотъ почему съ чувствомъ извѣстнаго удовлетворенія кинулся Байронъ на нѣкоторое время въ стремительно несущійся карнавалъ Венеціи, ибо тамъ онъ видѣлъ нервно пульсирующую жизнь, тамъ онъ чувствовалъ пламенное біеніе ея бунтующаго, хотя и безидейнаго, сердца и самъ могъ отдаться быстрому движенію жизни.

Зато стоило ему только запримѣтить возможность разумной и благородной борьбы, и Байронъ былъ немед-

ленно въ первыхъ рядахъ руководителемъ и вдохновителемъ массы.

Дыша борьбой, они волненья просятъ;
Какъ лава, въ жилахъ ихъ струится кровь;
Ихъ цѣлый вѣкъ на крыльяхъ бури носятъ,
Пока не сбросятъ ихъ на землю вновь.
А все же имъ дыханье бури мило:
Когда ихъ жизнь должна спокойно течь,
Они, скорбя, кончаютъ дни уныло...
Такъ пламени безъ пищи гаснетъ сила,
Такъ губить ржавчина въ ножны вложенный мечъ!¹⁾

Вотъ откуда тотъ энтузіазмъ, тотъ восторженный порывъ и вдохновеніе, съ которымъ Байронъ вступилъ въ разрозненные ряды карбонаріевъ, взялся впослѣдствіи за своего „Либерала“ (неудачный журналъ съ политической окраской, который поэтъ издавалъ въ Генуѣ при сотрудничествѣ благороднаго Ли Гонта и прекратившійся на четвертомъ выпускѣ) и, наконецъ, кинулся спасать и воодушевлять любимую имъ Грецію въ дѣлѣ ея освобожденія. Здѣсь онъ видѣлъ возможность широкаго проявленія своей активности, благородной и творческой, здѣсь онъ могъ въ полной мѣрѣ проявить свой истинный героизмъ. Байронъ былъ, несомнѣнно, подлиннымъ героемъ жизни, котораго постигаешь и оцѣниваешь, по преимуществу, въ дѣйстви и борьбѣ. То, о чемъ страстно и вдохновенно пѣлъ мятежный поэтъ, о чемъ мучительно скорбѣлъ и на что негодовалъ,—все было воплощено въ дѣлѣ, едва жизнь потребовала борьбы. Не его вина, что сотрудники и соратники его оказались слишкомъ малодушными и жалкими въ сравненіи съ нимъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Греціи. Вдохновитель и вождь, онъ страдалъ отъ ничтожества и мелочности окружавшихъ его грековъ-военачальниковъ, и горестно сознавалъ, что пред-

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, ч. III, 44.

ставители партій имѣють намѣреніе поживиться его капиталами. „Я опасаюсь съ ихъ стороны, писалъ онъ 25 октября 1823 г., не злоупотребленій, а слишкомъ *хорошаю* ко мнѣ отношенія, такъ какъ трудно не поддаваться личнымъ своимъ впечатлѣніямъ; если эти господа въ своекорыстныхъ интересахъ угадають мою слабость, то имъ удастся меня одурачить“. Тѣмъ не менѣе, несмотря на подобное сознаніе, поэтъ, вдохновляемый идеей подвига и благородной борьбы, продолжалъ свою миссію, плохо понятый и больной, но пренебрегающій опасностями ради дѣла и съ горделивымъ равнодушіемъ готовый воспринять смерть. „Я не боюсь смерти“, говорилъ онъ графу Гамба за 10 дней до смерти, послѣ жестокихъ припадковъ лихорадки и ревматизма: „но этихъ мученій я не въ силахъ выносить“¹⁾. Тѣ же слова звучать и въ его послѣднемъ стихотвореніи:

И если ты о юности жалѣешь,
Зачѣмъ беречь напрасно жизнь свою?—
Смерть предъ тобой,—и ты ли не сумѣешь
Со славой пасть въ бою²⁾.

Вотъ то истинное героическое спокойствіе духа, которое и другихъ поднимаетъ на бой, зажигаетъ огонь и заставляетъ забыть малодушныя тревоги, личный страхъ:

И въ битву радостно спѣшить
И смерть въ побѣду претворяеть!

Принимая во вниманіе этотъ исконный героизмъ, сказавшійся конечно, не только въ Италіи и Греціи, но проявлявшійся, мужественной его натурой во всѣхъ случаяхъ жизни, и его врожденную активность, мы поймемъ, какими неудачными и ограниченными кажутся попытки біографовъ (вродѣ Elze) объяснить участіе Байрона въ греческомъ возстаніи по преимуществу личною прихотью, лишенной идейнаго характера,

¹⁾ Elze, s. 316.

²⁾ На 36 лѣтнюю годовщину.

желаніемъ его снова привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе и оживить увядающую славу ¹⁾, или стремленіемъ отдѣлаться отъ наскучившей ему Терезы Гвиччіоли, какъ догадывается Спасовичъ ²⁾, хотя самъ Байронъ писалъ изъ Греціи отъ 25 окт. 23 г., что его „сердце осталось въ Италіи“.

Надо лишиться совершенно психологическаго чутья, чтобы настаивать на указанныхъ двухъ, яко бы, первопричинахъ, и представлять слишкомъ посредственнымъ, слишкомъ ординарнымъ того, кто, по праву, сверху внизъ смотрѣлъ на все окружавшее его человѣчество, кто духомъ и волею былъ родной братъ Прометею. Благородную гордость и жажду прекраснаго подвига, имѣвшаго цѣлью великую освободительную миссію, нельзя смѣшивать съ пустымъ и достойнымъ осужденію тщеславіемъ.

Что мнѣ твои всѣ почести и слава,
Народъ-младенецъ, прежде иль впредь?
Всесильны ль чары, слабъ ли я предъ ними,—
Но побѣжденъ я чарами твоими.

Такъ въ „последнихъ словахъ о Греціи“ самъ поэтъ объяснял свое сочувствіе къ греческому народу, живущему въ странѣ, полной славныхъ, обаятельныхъ преданій, и свое участіе въ его освобожденіи.

„Созерцать жизнь и не дѣйствовать было для поэта съ его темпераментомъ равносильно смерти“, замѣчаетъ Н. Котляревскій ³⁾. Мы уже видѣли, какъ Байрону приходилось для душевнаго равновѣсія, за отсутствіемъ удовлетворявшаго его дѣла, прибѣгать къ суррогату дѣйствія. И вотъ, какъ для этого, т. е. для воплощенія, въ той или иной формѣ, своей активности, такъ и для осуществленія идеи борьбы, а равно для развитія въ себѣ силы достойно носить мучительную скорбь и не согнуться подъ ея сокрушающимъ бременемъ,

¹⁾ Elze, s. 282.

²⁾ Спасовичъ. Байронъ и его предшеств., стр. 165.

³⁾ Н. Котляревскій. Міровая скорбь, 195.

нужна была героическая, непреклонная воля. Таковая была естественнымъ слѣдствіемъ врожденной активности Байрона; ею отмѣчена вся жизнь, всѣ поступки поэта отъ самыхъ мелочей (вродѣ воздержанія и строжайшей діеты, чтобы застраховать себя отъ грозившаго ему ожирѣнія, или преодолѣніе страданій, вызываемыхъ его больной ногой) до прекраснѣйшихъ актовъ его жизни, увѣнчивающихъ его непреходящей славой. Если мы раздѣлимъ людей на двѣ большія категоріи—людей дѣйствующихъ и людей созерцающихъ, т. е. поскольку въ нихъ дѣйствіе преобладаетъ надъ созерцаніемъ и обратно, то Байронъ, какъ личность, былъ, безусловно, личностью волевой, дѣйствующей, активной, не способной къ одному пассивному созерцанію.

Будучи отъ природы таковымъ, онъ эту печать дѣйствія и воли наложилъ и на все свое художественное творчество.

XIV.

Какъ тема скорби оказалась вѣчной и неизмѣнной для Байрона и неутомимо разрабатывалась имъ въ каждомъ его произведеніи, такъ и активность была той атмосферой, внѣ которой не могло развиваться ни одно крупное созданіе поэта. Этой активностью проникнуты не только всѣ его герои, но, гдѣ только возможно, Байронъ старается каждую поэму или драму заполнить дѣйствіемъ, движеніемъ. И эта черта неизмѣнно свойственна каждому изъ трехъ періодовъ его творчества ¹⁾). Поэтому у Байрона такъ мало произведений чисто созерцательныхъ, разрабатывающихъ исключительно психологическую сущность дѣйствующихъ лицъ: ихъ настроенія и переживанія. Наиболѣе типичными для указанной категоріи мы считали бы „Шильонскаго узника“ и „Жалобу Тасса“. Во

¹⁾ Въ одной изъ первыхъ главъ этого очерка мы для удобства раздѣлили все творчество поэта на три періода, давъ каждому изъ нихъ названіе по болѣе типическому произведенію соотвѣтственнаго періода. Такъ, первый періодъ мы назвали Манфредовскимъ, второй—періодомъ Прометея и третій—періодомъ Донъ-Жуана.

всѣхъ же прочихъ герой не только активенъ по своей природѣ, о чемъ сообщаетъ намъ авторъ (ибо Бонниваръ тоже, несомнѣнно, личность по складу своему дѣятельная), но онъ, въ той или иной мѣрѣ, дѣйствуетъ на протяженіи даннаго произведенія. И причину этого обстоятельства надо видѣть, съ одной стороны, въ активности самого Байрона, а съ другой—въ томъ, что герои его суть истинные герои; послѣдніе же познаются, преимущественно, въ дѣйствіи, борьбѣ. Тамъ же, гдѣ Байронъ рисовалъ исключительно себя и не пытался особенно маскироваться,—тамъ, въ первое время его сознательной жизни, мы видимъ опять-таки не дѣйствіе, а только суррогатъ его. Къ такимъ произведеніямъ мы относимъ авторскій дневникъ,—„Чайльдъ-Гарольда“, гдѣ путешествіе, какъ постоянная смѣна картинъ и вѣчное напряженіе физическихъ силъ, замѣняло иное, можетъ быть, болѣе желаемое дѣйствіе.

Надулись паруса; какъ будто вторя
Его желаньямъ, вѣтеръ рѣзче сталь;
Поплылъ корабль, и скоро въ пѣнѣ моря
Безслѣдно скрылся рядъ прибрежныхъ скалъ ¹⁾.

Это та поэма, на страницахъ которой, изображая судьбу павшаго Наполеона, Байронъ далъ проникновенную и глубоко-вѣрную характеристику сущности души своего любимаго героя, а вмѣстѣ съ нимъ и самого себя.

Онъ былъ за то неизринутъ, что съ покоемъ
Мириться былъ не въ силахъ. Тотъ, чья грудь
Опалена желаній бурныхъ зноемъ,
Не можетъ, бредя славой, отдохнуть:
Его влечетъ невѣдомая сила;
Желанія его предѣловъ нѣтъ;
Не можетъ охладить онъ сердца пыла;
Ему покой ужаснѣй, чѣмъ могила.
Тотъ къ гибели идетъ, кто тѣмъ огнемъ согрѣтъ.

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ I, 12.

²⁾ Ibid., III, 42.

Ранняя, преждевременная смерть поэта наглядно доказала справедливость его словъ, его прогнозъ своей будущей судьбы и лишній разъ сумѣла выявить свѣтъ этого огня, можетъ быть, губительнаго для данной личности, но благодатнаго для всего удивленнаго человѣчества.

Но, если въ „Чайльдъ-Гарольдъ“ нѣтъ еще настоящаго дѣйствія, настоящей борьбы, то уже въ непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ „Восточныхъ поэмахъ“ элементъ активности въ герояхъ и проникающее эти поэмы движеніе на лицо. Вспомнимъ Гяура, Лару и Альпа (въ „Осадѣ Коринѳа“), живущихъ идеей мести, всѣ силы свои и энергію отдающихъ ей, или такихъ, которые находятъ приложеніе своимъ силамъ въ постоянныхъ сраженіяхъ, въ зловѣщихъ опасностяхъ, какъ Корсаръ и Селимъ (Абид. невѣста). Для нихъ, какъ и для самого Байрона, особенно радостны вѣчныя бури, борьба стихій, ревъ океана, и затишье звѣздной безоблачной ночи кажется особенно мучительнымъ для ихъ мятущагося духа.

Такъ онъ провелъ четыре дня въ неволѣ.
На пятый, съ тьмою, взвыла надъ землею
Гроза. О, какъ онъ жадно слушалъ вой
Мятежной бездны! Въ сонѣ его дотолѣ
Онъ не врывался такъ, какъ здѣсь, въ неволѣ,
И дикій духъ, стихіею родной
Разбуженный, бросалъ имъ вызовъ свой.
И часто жилъ онъ на волнѣ косматой,
Любя ее за бѣгъ ея крылатый.

(Корсаръ, III пѣснь, VII).

И почти каждую „восточную поэму“ сопровождаетъ грозный шумъ битвы, взрывъ осаждаемыхъ стѣнъ, конскій топотъ и мучительные стоны раненыхъ. Это усиленное движеніе, эта постоянная активность кидается въ глаза при чтеніи Байрона и не ограничивается, какъ мы сказали, первымъ періодомъ его творчества, но переходитъ и въ послѣдующіе. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательна и ха-

рактерна одна изъ позднѣйшихъ его поэмъ „Мазепа“, своего рода живой, движущейся экранъ, на которомъ вырисовываются разнообразнѣйшія картины, пока дикій степной конь несетъ обреченнаго, привязаннаго къ своей спинѣ героя. Эта поэма—воплощенная динамика; ее могла создать только такая неудержимо активная индивидуальность, какъ Гордонъ Байронъ. Шестъ страницъ безостановочной скачки дѣйствуютъ на читателя ошеломляюще, тѣмъ болѣе, что этотъ основной эпизодъ поэмы начинается совершенно неожиданно. Открывается поэма бѣгствомъ Карла XII послѣ Полтавской битвы въ сопровожденіи Мазепы; затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе привала. Надвигается ночь, и на сонъ грядущій Мазепа повѣствуетъ Карлу о своихъ юношескихъ годахъ. Сонное, ночное настроеніе покоя... Нѣсколько словъ о любви рассказчика къ молодой прекрасной графинѣ, и слѣдуетъ основной рассказъ о наказаніи, понесенномъ за эту свѣтлую, радостную любовь:

„Коня сюда!“ Конь приведенъ.
Въ степяхъ Украины выросъ онъ.
Бездушной челядью къ спинѣ
Его привязанъ я ремнями...
Конь сразу выпущень... И вотъ
Помчались мы впередъ, впередъ! ¹⁾).

Бѣшенная скачка несчастнаго продолжалась очень долго, велики были пространства, пронесшіяся скакуномъ, и поэтъ со своей неудержимой фантазіей несетъ вмѣстѣ съ обреченнымъ Мазепой, пока измученный конь не падаетъ обезсиленнымъ и испускаетъ духъ. Рассказъ гетмана заключается нѣсколькими словами о его избавленіи отъ гибели семьей казака, а сама поэма заканчивается тѣмъ же настроеніемъ сна, которымъ и началась:

- Что жъ благодарности не слышитъ
Старикъ отъ Карла за рассказъ?

¹⁾ Мазепа, IX.

Король спокойно, ровно дышитъ,
Король усталый спитъ ужъ съ часъ ¹⁾.

Благодаря такой мирной, сонной оправѣ, особенно ярко и значительно выдѣляется эта безудержность движенія, стремительность дѣйствія. Мы остановились на удивительно-интересномъ въ этомъ отношеніи произведеніи, чтобы подчеркнуть, какъ тонко и хорошо постигаль Байронъ вслѣдствіе своего духовнаго склада, психологію дѣйствія, какую художественную умѣлъ придать ей форму и оправу. Полна движенія и борьбы и поэма „Островъ“, которыми запечатлѣны не только отдѣльныя личности (особенно Ньюга), но и воюющіе отряды.

Если мы теперь обратимся къ драмамъ Байрона, именно, къ „Марино Фальеро“ и „Сарданапалу“, какъ къ наиболѣе совершеннымъ и законченнымъ, то и здѣсь увидимъ ту же напряженность дѣйствія, движенія и борьбы. Непримирымый и гордый дожъ не удовлетворяется однимъ словеснымъ протестомъ противъ захвата власти сенатомъ и угнетенія народа, созерцательнымъ переживаніемъ своей обиды, но, въ силу своей исконной активности, переходитъ къ дѣлу, опасной борьбѣ, вступая въ ряды заговорщиковъ и принимая надъ ними начальствованіе. „Слова—дѣла“, провозглашаетъ дожъ въ присутствіи суда свой девизъ: „а если произносить ихъ человѣкъ, готовый умереть, то ими часто можетъ онъ жестоко отмстить за смерть свою!“ ²⁾. Исходъ для него трагиченъ, но гибнетъ онъ за свою активность, за свою мятежность. И надъ нимъ, какъ и надъ павшимъ императоромъ Франціи, звучатъ тѣ же мудрыя слова поэта, хорошо понятныя ему самому:

Ему покой ужаснѣй, чѣмъ могила;

Тотъ къ гибели идетъ, кто тѣмъ огнемъ согрѣтъ!

Активенъ по складу своего характера и Сарданапаль. Пусть въ началѣ трагедіи мы застаемъ его, исповѣдника, эпи-

¹⁾ Ibid., XX.

²⁾ Марино Фальеро V.

курейской мудрости, отдающимся пирамъ и нѣжащимъ наслажденіямъ; въ минуты боя и опасности живущая въ немъ искони склонность къ дѣйствию пробуждается; съ героическимъ спокойствіемъ мѣняетъ онъ свое пышное опахало на острый мечъ, и изнѣженный владыка внезапно преобразается въ мудраго господина битвы.

Такъ душный лѣтній день,
Вечернею грозою весь чреватый,
Вдругъ разрозится съ силою такой,
Что воздуху, повидимому, съ нею
Не сдобровать и быть землѣ потопомъ загубленной.
(Сарданапаль, III).

. Такъ сравниваетъ своего царя, неустрашимого въ сраженіи, одинъ изъ его приближенныхъ. Въ равной мѣрѣ той же активностью и умѣнемъ любить борьбу надѣлена и поллинная героиня трагедіи прекрасная, благородная Мирра. На тревожныя заботы о ней Сарданапала она спокойно отвѣчаетъ желаніемъ послѣдовать за нимъ. „На поле битвы, ты?“—Когда бъ и такъ—я не была бы первой гречанкою, свершившей этотъ путь!“¹⁾ И если ей не удастся стать рядомъ съ любимымъ владыкой въ рядахъ сражающихся, то этому препятствуетъ смерть, слѣдующая за пораженіемъ. Рѣзкой активностью обладаютъ здѣсь и другія лица трагедіи, и врывающаяся, сражаясь, толпа. Но истинное, жуткое движеніе мятущейся толпы мы находимъ въ мистеріи „Небо и Земля“, гдѣ все живущее на землѣ человѣчество мечется и стонетъ въ предсмертной агоніи, чуя неизбежную зловѣщую гибель.

Будучи врагомъ всякаго застоя и неподвижности, Байронъ и въ творчествѣ примѣнялъ идею быстрого движенія. Въ этомъ смыслѣ первая сцена второго дѣйствія въ „Каинѣ“ является какъ-бы pendant къ отмѣченной нами поэмѣ „Мазепа“, ибо вся эта сцена происходитъ въ безднѣ пространства при безостановочномъ полетѣ Люцифера и Каина. Самъ Каинъ—наиболѣе

¹⁾ Сарданапаль, III.

активный изъ всѣхъ героевъ Байрона, наиболѣе глубокой и цѣль своей активности видящей въ борьбѣ, въ борьбѣ съ самой природой и ея Творцомъ.

Нѣтъ, ничто не можетъ дать мнѣ болѣе покоя.

Покоя—говорю я? Никогда

Въ моей душѣ онъ не былъ, хоть я видѣлъ

Затишье межъ стихіями ¹⁾.

Трагиченъ финалъ и Каина, великаго плакальщика за родъ человѣческой, и трагиченъ въ силу все той же мятежности и идеи борьбы, въ силу того же огня, ведущаго къ неизбежной гибели!

Наконецъ, въ „Донъ-Жуанъ“ Байроновская активность проявляется съ особой отчетливостью въ лицѣ самого героя, вѣчно стремящагося, вѣчно движущагося. По своей психологiи, какъ неустанный скиталецъ изъ страны въ страну, Донъ-Жуанъ близокъ Чайльдъ-Гарольду. Да оно и не удивительно, ибо тотъ и другой только маски одного лица, вѣчнаго мірового скитальца—скорбнаго, мятежнаго поэта. Говорить объ активности Донъ-Жуана, значить говорить объ активности самого Байрона; тѣсно сплетены они тутъ другъ съ другомъ. Отъ своего имени поэтъ провозгласилъ въ своей сатирѣ:

„борьба—мой идеалъ“ ²⁾,

и героя заставилъ бороться, странствовать, подвергаться жестокимъ опасностямъ и висѣть на волосокъ отъ смерти. (Особенно типична въ этомъ отношеніи вторая пѣсня, изображающая бурю и гибель судна, а также борьбу со смертью пловцовъ, цѣпляющихся за жизнь).

Такова была активность самого Байрона и отраженіе ея въ творествѣ. Лучшее и совершеннѣйшее ея воплощеніе видѣлъ поэтъ въ любимой имъ вѣчно-подвижной, вѣчно стремящейся стихіи, въ свободномъ, не вѣдающемъ оковъ морѣ, къ мыслямъ о которомъ постоянно возвращался онъ въ своей

¹⁾ Каинъ, III.

²⁾ Донъ-Жуанъ, XV, 22.

поэзіи, чей „образъ былъ на немъ означень“, и чьимъ „духомъ онъ самъ былъ созданъ“:

Я мальчикомъ еще съ тобой сдружился.
Любилъ волнѣ отдаться, чтобъ она
Несла меня.—Съ прибоемъ я рѣзвился;
Когда жъ предъ близкой бурею волна
Вдругъ пѣнилась, бурлива и темна,—
То, хотъ тревога въ сердце проникала,
Она была все-жъ прелести полна—
И, какъ ребенка, ты меня качало,
И гриву волнъ твоихъ рука моя ласкала ¹⁾.

Что же касается воли и ея проявленія въ герояхъ Байрона, то наличность ея явствуетъ уже изъ того, что всѣмъ своимъ дѣтищамъ поэтъ прививалъ, въ той или иной мѣрѣ, свои черты, а насколько сильна и исключительна была воля въ немъ самомъ, мы уже видѣли. Создавая дѣйствующихъ лицъ своихъ поэмъ истинными героями и героинями, Байронъ долженъ былъ снабдить ихъ живоносной волей, этимъ существеннѣйшимъ и необходимымъ атрибутомъ героизма. Высшими и наиболѣе могущественными носителями воли въ творчествѣ Байрона являются Манфредъ и Прометей. Титанизмъ ея у того и другого проявляется главнымъ образомъ въ борьбѣ съ невыносимыми страданіями, отъ которыхъ обычный человѣкъ, не обладающій сверхъестественными дарами, пошатнулся бы и сломился подъ роковымъ бременемъ.

Всѣ скорби душъ непобѣдимыхъ
Душа твоя пережила:
Жестокость мукъ, никѣмъ незримыхъ,
Весь гнетъ тоски, которой стонъ
Въ груди страдальца подавлялся,
Чтобъ Зевса вѣстникъ и шпіонъ
Не услыхалъ. И то боялся,

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, IV, 184.

Чтобъ даже этотъ легкій звукъ
Не выдалъ небу тайныхъ мукъ ¹⁾).

Въ Манфредѣ эта воля граничитъ съ божественной, хотя и „скована съ прахомъ“; благодаря ей, онъ повелѣваетъ темными силами природы, сверхчувственнымъ міромъ. Но управлять и повелѣвать *собственными* чувствами и страстями бываетъ не легче, чѣмъ править надъ этими силами, а, между тѣмъ, волю самообузданія, беспощадную волю знаютъ всѣ герои Байрона. Знаетъ ее и Конрадъ, заставляющій, ради ждущаго его подвига, замолчать чувство нѣжной любви къ покидаемой Медорѣ; знаетъ ее и преклонный, дряхлый дождь Фоскари, во имя долга заглушающій любовь къ единственному сыну и утверждающей приговоръ сената; знаетъ ее и Сарданапаль, движимый необходимостью борьбы и любовью къ родной странѣ, пренебрегающій своими страстями и своей личной любовью, подобно самому Байрону, усилиемъ воли оторвавшемуся отъ Венеціанской жизни и ставшему на путь политической борьбы. Вездѣ воля заставляетъ любовь, самое интенсивное, самое сильное чувство въ человѣческой природѣ, съ которымъ борьба наиболѣе трудна и мучительна, подчиниться идеѣ долга, идеѣ свѣтлаго подвига. Ею надѣлены и активныя женщины Байрона, мужественно владѣющія собой и неуклонно преслѣдующія поставленные передъ собой цѣли: Гюльнара въ „Корсарѣ“, рискующая собственной жизнью для спасенія своего избавителя; Мирра въ „Сарданапаль“, безстрашная стойкая гречанка; Марина въ „Двухъ Фоскари“ и Аголибама въ „Небѣ и землѣ“ надолго останутся въ исторіи міровой литературы, какъ прекраснѣйшіе образцы женской воли, активности и способности къ благородному подвигу.

Воля, какъ естественный спутникъ активности, проявляется у героевъ, разумѣется, не въ одномъ самообузданіи, но и въ стремительномъ достиженіи широкихъ задачъ, любимыхъ идей своей жизни. Обладателями такой „*движущей*“ воли были

¹⁾ Прометей.

гордый, благородный дождь Фальеро и, многими духовными чертами схожий с нимъ, любимецъ мысли поэта Наполеонъ.

Обладая титанической волей и врожденной активностью, Байронъ, и его герои неудержимо стремятся къ борьбѣ, какъ къ лучшему и настоящему выраженію этой активности. Рождается вопросъ, во имя чего, во имя какой святыни должна вестись и осуществляться эта борьба. Но прежде, чѣмъ отвѣчать на поставленный вопросъ, мы должны внимательно обслѣдовать еще одну черту въ характерѣ Байрона, черту, можетъ быть, самую существенную и, во всякомъ случаѣ, такую, мысль о которой немедленно приходитъ въ голову, едва произносится имя великаго поэта.

Эта черта—его индивидуализмъ.

XV.

Стремись

Собою быть въ своемъ сопротивленьи.

Ничто не можетъ одолѣть души,

Когда она захочетъ быть собою

И центромъ окружающаго міра,

Гдѣ суждено ей властвовать ¹⁾.

Таковъ одинъ изъ первыхъ завѣтовъ, одно изъ первыхъ откровеній, преподанныхъ духомъ мудрымъ, духомъ всевъдушимъ, Люциферомъ, своему близкому ученику, скорбному мятежнику Каину.

Байронъ, сочетавшій въ себѣ души Люцифера и Каина, зналъ этотъ завѣтъ, издавна носилъ его въ своемъ неприступномъ сердцѣ и умѣлъ стать „центромъ окружающаго міра“ и властвовать надъ умами удивленныхъ, подавленныхъ его величіемъ современниковъ. Въ этомъ завѣтѣ Люцифера заключается сущность индивидуализма, сущность исключительной личности, божественной и прекрасной, въ силу своей исключительности и превосходства отграничивающей себя отъ толпы.

¹⁾ Каинъ, дѣйств. I.

Проблема индивидуализма, рѣзко поставленная въ началѣ минувшаго вѣка, неизмѣнно развивалась въ теченіе цѣлаго столѣтія, найдя подъ конецъ такого яркаго выразителя ея въ лицѣ Фридриха Ницше. Но прежде, чѣмъ дойти до этого апостола идеи „сверхчеловѣка“, развѣ не была она уже предвосхищена и геніально отображена на зарѣ XIX вѣка въ личности и творчествѣ Байрона? И развѣ указанный отрывокъ изъ „Каина“, этотъ завѣтъ Люцифера, не есть аналогичное съ мыслью, высказанною Гегелемъ, что „среди всего великаго, съ чѣмъ мы встрѣчаемся во всемірной исторіи, самое великое, это—господство одной свободной воли надъ другими“, и не есть ли это провидѣніе идеи сверхчеловѣка съ его абсолютной свободой, съ его правомъ сильнаго, съ развитіемъ воли власти, для которой хорошо все то, что происходитъ изъ власти и возвышаетъ власть, и дурно все то, что исходитъ изъ слабости и ослабляетъ власть ¹⁾, словомъ, провидѣніе Ницшеанскаго міросозерцанія? Разумѣется, Байронъ въ ту эпоху и по складу своего ума не могъ высказать всего того, что проповѣдывалъ Фридрихъ Ницше, и, раздѣляя идею власти, какъ увидимъ далѣе, долженъ былъ оговориться, какова обязана быть эта власть. Но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что въ міровоззрѣніи Байрона мы имѣемъ только провидѣніе, только намекъ на тѣ пути, по которымъ пошло и до которыхъ достигло человѣческое творчество въ области чистой мысли и искусства, развивающее идею гордаго индивидуализма.

Въ самомъ Байронѣ индивидуализмъ, какъ сознание самоцѣнной, самодовлѣющей личности, былъ заложенъ изначально въ его характерѣ, тоже былъ чертой органической. Онъ сказывался въ постоянномъ проявленіи своей, даже ребяческой, личности, въ протестѣ противъ всякаго насилія надъ его волей; въ желаніи властвовать. Не лишнее припомнить замѣчаніе, высказанное однимъ изъ школьниковъ въ Гарроу про будущаго поэта: „Байронъ не хочетъ быть съ нами, потому

¹⁾ Виндельбандъ. Ист. нов. философій, проблема цѣнности.

что онъ нигдѣ не любитъ быть вторымъ“¹⁾). И этотъ маленькій мальчикъ не подозрѣвалъ, какъ психологически вѣрно опредѣлилъ онъ сущность своегознаменитаго пріятеля. Этотъ индивидуализмъ заставилъ его вполсѣдствіи отодвинуться отъ толпы и искать радости въ общеніи съ природой и въ сліяніи съ ней:

Природа стала мнѣ теперъ родною;
Я больше, чѣмъ людей, люблю ее.

(Чайльдъ-Гарольдъ, IV, 178).

Эта любовь привела Байрона къ исповѣданію пантеизма, которымъ запечатлѣны послѣднія пѣсни Гарольда: природа для него Богъ, и въ немъ самомъ заключена частица ея. Лѣсъ, ручьи, водопады, особенно—горы, покрытыя снѣгами, эти единственно достойные Духа алтари, наполняютъ его мистическимъ восторгомъ, ощущеніемъ присутствующаго тутъ Божества:

Моря, холмы и небо стали частью
Души моей, какъ я—частицей ихъ²⁾.

И сколько бы мы ни слѣдили за жизнью Байрона, мы никогда зато не встрѣтимъ его, какъ члена, какъ друга общества, съ которымъ ему приходилось сталкиваться; онъ либо временный гость, душою чуждый окружающимъ его людямъ, либо глава, вождь массы; именно, глава, потому что онъ выше ея и, значить, чуждъ ей. Недаромъ же онъ въ своей Гарольдовой исповѣди сказалъ характернѣйшія для его духовнаго склада слова:

Міръ не любя, любимъ я не былъ міромъ,
Среди другихъ, я не съ другими былъ³⁾.

Тѣ общественныя условія, о которыхъ намъ уже приходилось говорить, укрѣпляя въ поэтѣ чувство глубочайшей скорби и неудовлетворенности человѣчествомъ, содѣйствовали въ то же время и развитію крайняго индивидуализма. Ибо Байронъ

1) Тэнъ. Лордъ Байронъ, стр. 381.

2) Чайльдъ-Гарольдъ, III, 72, 89, 91, 75.

3) „Among them, but not of them“. Чайльдъ-Гарольдъ, III, 113.

долженъ былъ сознать, насколько его героическое я превосходить окружающихъ его людей, насколько онъ истинный носитель челоѣческаго начала, прекраснаго Прометеева огня! Спасать и избавлять людей этого поколѣнія врядъ ли возможно: они уже обречены на жалкую безнадежность, на долгое духовное рабство. Но живетъ мысль о грядущихъ поколѣніяхъ, людяхъ будущаго, которые въ иной, обновленной атмосферѣ способны будутъ превратиться въ достойныхъ представителей челоѣчества, въ истинныхъ героевъ жизни. Пока же этого нѣтъ, удѣлъ для современнаго Байрону общества—горделивое презрѣніе къ нему сильной, могущественной личности. Отсюда—развитіе индивидуализма до его исключительныхъ размѣровъ, до усвоенія принциповъ антисоціальности, античелоѣчности. Совсѣмъ еще молодымъ онъ сумѣлъ прочувствовать эти принципы и изобразилъ ихъ въ характерной для своихъ настроеній эпитафіи на могилѣ его ньюфаундлэндской собаки:

О челоѣкъ! смѣшной и извращенный родъ!
Раздутый гордостью, объятый ослѣпльемъ!
Ты—масса, гдѣ одно ничтожество живетъ,
Кто разъ узналъ тебя,—бѣжитъ тебя съ презрѣньемъ¹⁾.

Насколько эти слова были не случайны, покажутъ намъ размышленія всей жизни поэта. Такой индивидуализмъ, врожденный и эволюционирующий, не можетъ подвергаться рѣзкой ломкѣ и презрѣніе къ людямъ обратить безъ всякой видимой причины въ искреннюю любовь къ нимъ. Подобный актъ долженъ противорѣчить психологіи челоѣческой природы. Однако, пламенная борьба поэта въ рядахъ итальянскихъ карбонаріевъ и на почвѣ любимой Греціи, равно какъ и весь второй, прометеевскій періодъ его творчества, свидѣтельствуютъ, какъ будто, о происшедшей ломкѣ и замѣнѣ презрительнаго антисоціальнаго индивидуалиста индивидуалистомъ глубоко-соціальнымъ, индивидуалистомъ - общественникомъ. Байронъ

¹⁾ Надпись на могилѣ Ньюфаундл. собаки 1808 г.

былъ, несомнѣнно, удивительно искренней личностью, „самымъ естественнымъ характеромъ, когда-либо существовавшимъ въ человѣческой исторіи“, какъ охарактеризовалъ его Дюрингъ ¹⁾, и заподозрѣть его въ столь яркой неправдивости, какъ намеренное искаженіе самого себя въ одномъ изъ періодовъ его творчества, кажется намъ несомвѣстимымъ съ обликомъ Байрона. Когда же онъ былъ наиболѣе самимъ собою? Тогда ли, когда въ уединенномъ, неприступномъ замкѣ Манфреда онъ создавалъ образъ Лары и Конрада, или когда вмѣстѣ съ дожемъ Фальеро ратовалъ за освобожденіе венеціанцевъ, или, можетъ быть, онъ въ обоихъ періодахъ оставался все тѣмъ же замкнутымъ индивидуалистомъ съ антисоціальными началами? Между тѣмъ, наличность двухъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, періодовъ имѣется, и Котляревскій прямо говоритъ, что „отвернуться отъ ближняго и всецѣло замкнуться въ своемъ внутреннемъ мірѣ, не удѣляя людямъ ни своихъ помысловъ, ни своихъ чувствъ,—Байронъ былъ не въ силахъ; въ его груди билось очень гуманное сердце“ ²⁾. Здѣсь мы, именно, и подходимъ къ выясненію того вопроса, который былъ поставленъ нами въ концѣ предшествовавшей главы: какъ и во имя чего велъ поэтъ свою страстную борьбу, къ осуществленію каковой стремился долгіе годы. Сперва посмотримъ только на выраженіе антисоціальныя принциповъ въ Манфредовскомъ періодѣ. Глубокая антисоціальность его героевъ (не антигуманность, ибо послѣдняя не уживалась въ душѣ даже наиболѣе рѣзкаго индивидуалиста: чувство снисходительнаго состраданія заставляло протянуть его гордую руку всякому забитому и страждущему, во имя его состраданій, но не во имя его принадлежности къ человѣческому роду) ярко выявляется во всѣхъ произведеніяхъ этого періода. Она чувствуется въ полной и непоправимой разобщенности героя съ людьми, даже близкими ему по духу.

¹⁾ Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ—Байронъ.

²⁾ Н. Котляревскій, Мировая скорбь, 195, 196.

Отъ всѣхъ, кто съ нимъ былъ связанъ бытіемъ,
Съ кѣмъ долженъ былъ дышать онъ, но не слиться,
Добромъ иль зломъ желалъ онъ отдѣлиться.

(Лара, пѣснь I, XVIII).

Ни Конрадъ, ни Лара, ни Альпъ никогда не раскроютъ своей души окружающимъ ихъ, никогда не снизойдутъ къ единенію съ ними и не помыслятъ о ихъ благоденствіи и счастьѣ. Примѣчательно въ этомъ отношеніи то средостѣніе, которое существуетъ, напримѣръ, между Конрадомъ и его товарищами по морскимъ разбоямъ, несмотря на общность ихъ интересовъ и ежеминутной гибели. И если всѣхъ ихъ мы застаемъ въ дѣйствіи и борьбѣ, то эта борьба ведется въ силу ихъ активности или ради сведенія личныхъ счетовъ. Они знаютъ хорошо цѣну толпѣ и ея порывамъ; ничтожество людей давно уже ими опознано.

Такъ и быть должно:

Для одного трудиться суждено

Толпѣ: таковъ законъ природы властной ¹⁾.

Гордая титаническая воля индивидуалиста помыкаетъ толпою; цѣнность человѣка, слабого и раболѣпствующаго, для него ничтожна, и кровь его можетъ быть пролита легко. И въ „восточныхъ поэмахъ“ кровь эта льется обильной струею. Толпа не любитъ индивидуалиста, но трепещетъ и пресмыкается предъ нимъ.

И пресмыкаются они

Предъ нимъ затѣмъ, что искони

Передъ людьми высокихъ думъ

Смирался въ черни темный умъ ²⁾.

Правда, Лара собираетъ вокругъ себя полчища угнетенныхъ и недовольныхъ и поднимаетъ мятежъ противъ угнетателей, но личные счета, личная месть руководятъ имъ въ

¹⁾ Корсаръ, пѣснь VIII.

²⁾ Осада Коринеа XII.

данномъ случаѣ, и вѣщими словами опредѣляетъ эту борьбу самъ поэтъ:

Что для него рабовъ освобожденье?

Но въ силѣ ихъ—надменнымъ униженье ¹⁾.

Къ „униженію надменныхъ“, къ рѣшительной побѣдѣ надъ ними сводилась и борьба Байрона. Эпиграфъ, выставленный къ первой драмѣ другого великаго пѣвца человѣческой личности, сталъ лозунгомъ и для него. Этотъ лозунгъ: „In tyranpos“! ²⁾; ему вѣренъ былъ поэтъ всю свою жизнь. И ненависть къ нимъ было не трудно поддерживать тому, кто самъ сказалъ:

Да, наконецъ, намъ ненависть дана;

Когда ея запало въ душу сѣмя,

То ей одною дышетъ человѣкъ.

Онъ любитъ мигъ, а ненавидитъ вѣкъ ³⁾.

Бороться съ тиранами и ненавидѣть ихъ побуждала великая идея свободы, мелькнувшая яркимъ лучомъ на закатѣ XVIII вѣка и безнадежно затерявшаяся въ мрачныхъ сгустившихся тучахъ. Свобода міра, свобода, не ограничивающаяся данной страной и народомъ, была идеаломъ поэта и вытекала изъ его космополитической настроенности. А Байронъ былъ, дѣйствительно, типичнымъ космополитомъ. Англію онъ любилъ, но не болѣе, чѣмъ другія страны, и легко пересталъ чувствовать къ ней сыновнюю привязанность, особенно послѣ своего изгнанія. Интересъ его къ ней не затихъ до послѣднихъ дней жизни, но это не мѣшало ему Италію называть своей второю родиной и умереть въ любимой съ юношескихъ лѣтъ прекрасной Греціи, гдѣ осталось похороненнымъ его благородное сердце. „Гражданиномъ міра“ любилъ онъ на-

¹⁾ Лара, пѣснь II, IX.

²⁾ Шиллеръ поставилъ эти слова въ качествѣ эпиграфа къ своимъ „Разбойникамъ“.

³⁾ Донъ Жуанъ, XIII, 6.

зывать себя; это имя было ему свойственно болѣе, чѣмъ кому-либо другому и дѣлаетъ его близкимъ и своимъ всей вселенной. Итакъ и идея свободы во имя свободы неотходно преслѣдовала Байрона. Главнымъ препятствіемъ для ея осуществленія въ жизни были тиранны и инертная, покорная масса.

Народъ! Здѣсь нѣтъ народа. Это вамъ
Извѣстно хорошо; иначе вы
Не смѣли бъ обращаться такъ позорно
Съ народомъ и со мной. Здѣсь только *чернь*,
Которая когда-нибудь заставитъ
Васъ тайно покраснѣть, но никогда
Не хватить ей ни силъ, ни воли прямо
Возстать на все иль поразить васъ клятвой ¹⁾).

Тиранамъ же поэтъ объявилъ смертную войну, говоря языкомъ поэзіи, или, какъ онъ выражался въ одномъ письмѣ. „упростилъ свою политику въ смыслѣ полной ненависти ко всѣмъ существующимъ правительствамъ“. Въ этой войнѣ онъ долженъ былъ искать опоры, какъ его Лара, въ массѣ, въ черни, рабахъ. Презрѣніе къ нимъ продолжало жить, но лучше протянуть свою гордую руку угнетаемому народу, чѣмъ терпѣть владычество тупого деспотизма.

Для Байрона никогда не важенъ народъ самъ по себѣ. Просто о народѣ, какъ коллективной силѣ, онъ говоритъ мало, но народъ попираемый живо его интересуетъ. Центръ тяжести долженъ быть перенесенъ со слова *народъ* на слово *потираемый*.

„Къ тому жъ всегда я защищаю бѣдныхъ
И слабыхъ; но случись паденье тѣхъ,
Что давятъ міръ теперь въ вѣнкахъ побѣдныхъ,
Я измѣнилъ бы фронтъ; пускай мой смѣхъ
Язвить бы сталъ позоръ пигмеевъ вредныхъ,—

¹⁾ Два Фоскари, V.

Ихъ защищать не счелъ бы я за грѣхъ.

Я всякой тиранніи врагъ заклятый,

Хотя бы и царили демократы! 1)“.

Борьба велась во имя свободы, отвлеченной и не оформленной ясно; ей слагались вдохновенные гимны, ради нея сокрушалась тираннія. Но чувства и сердечной склонности къ челоѳчеству, во всякомъ случаѣ, къ челоѳчеству современному, у Байрона не было, и антисоціальныя принципы не изгладились и въ періодѣ „Прометеевскомъ“. Однако, такой періодъ существуетъ, и мы сами дали ему соотѳвствующее опредѣленіе, ибо онъ фактически разнится отъ перваго, только что разсмотрѣннаго нами. Дѣйствительно, въ этомъ второмъ періодѣ передъ нами проходятъ маски поэта: Дантъ, тоскующій объ угнетенномъ итальянскомъ народѣ, подавленный жестокимъ деспотизмомъ; дождь Фальеро, поднявшій знамя бунта противъ узурпировавшаго власть патриціанства во имя освобожденія Венеціи; Каинъ, скорбящій о грядущихъ страданіяхъ рода челоѳческаго и кидающій вызовъ Творцу, какъ верховному и жестокому Тирану. На страницахъ Байроновой поэзіи начинаютъ мелькать имена Леонида Спартанскаго, Кола-ди Ріенци, горячаго трибуна, и, особенно, Вашингтона; поются имъ хвалебныя пѣсни, какъ смѣлымъ насадителямъ челоѳческаго счастья и свободы 2). Наконецъ, въ этотъ же періодъ мы видимъ самого Байрона среди итальянскихъ заговорщиковъ и вождемъ греческаго возстанія. Въ это же время пишется извѣстная XXI-ая строфа девятой пѣсни „Донъ Жуанъ“, на которую ссылаются обыкновенно для подтвержденія (исходящаго отъ самого уже Байрона) взгляда на соціальность и обществѣнность поэта:

Я съ Меланхтономъ схожъ и Моисеемъ

Терпимостью и кротостью своей;

1) Донъ Жуанъ, XV, 23 I.

2) См. Чайльдъ-Гарольдъ, IV, 94 и 114, оду къ Наполеону Бонапарту, оду къ Венеціи.

Никто меня не назоветъ злодѣемъ,
Хоть я порой не сдерживалъ страстей
И ходъ давалъ всегда своимъ идеямъ,
Но безъ причинъ не задѣвалъ людей.
За что жъ въ поэтѣ мизантропа видятъ?

Но, тѣмъ не менѣе, если мы внимательнѣе взглянемъ въ творчество Прометеевскаго періода, то увидимъ все ту же не исчезающую изъ Байронова сердца антисоціальность, то же презрительное, равнодушное отношеніе къ современному человечеству. И, сопоставляя антисоціальныя мотивы этого періода съ такими же мотивами, звучавшими въ періодѣ Манфредовскомъ, мы убѣдимся, насколько исконнымъ было это чувство въ Байронѣ, насколько Байронъ былъ вѣренъ самому себѣ, оставался самимъ собою и въ томъ и въ другомъ періодѣ, *сохраняя въ себѣ антисоціальныя начала.*

Въ одномъ изъ первыхъ произведеній разбираемаго періода, именно, въ третьей пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, въ которой уже занесенъ мечъ надъ деспотизмомъ и произволомъ, раздаются глубоко антиобщественныя слова:

Не лучше ль безъ людей жить на землѣ,
Любя ее одну? ¹⁾

Соотвѣтственныя мысли и такое же настроеніе находимъ въ общественнѣйшей поэмѣ Байрона, замыкающей его творчество,—въ „Донъ-Жуанъ“.

Лишь самодержцемъ царствовать могу я,—
Не то пустынный островъ мнѣ милѣй ²⁾.

Въ этихъ словахъ обнаруживается стремленіе бѣжать, оградиться отъ рода человѣческаго и, если жить, то жить въ полномъ одиночествѣ. Идея, такъ ярко выраженная въ наиболѣе антигуманной поэмѣ — „Манфредъ“, нашла отклики во время общественнаго служенія поэта. Мысли объ огражденіи отъ

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, III, 71.

²⁾ Донъ Жуанъ, XI, 56.

людей не беспочвенны: онѣ исходятъ изъ порочности и обреченности человѣческаго рода. Люди—рабы, люди—звѣри; жить среди нихъ и ради нихъ невысказанно и ужасно.

Погибни жъ, родъ вдвойнѣ презрѣнный,

Что былъ врагомъ небесъ и не былъ другъ геенны ¹⁾).

А изъ устъ Данта, являющагося въ своемъ „Пророчествѣ“ носителемъ идеи мира и освобожденія, раздается уничтожающая характеристика человѣка:

Человѣчнѣе тѣ, что лижутъ раны

И трупы жрутъ: рой птицъ и злыхъ волковъ,

Насытятся тѣ уйдутъ. Но насыщенья

Звѣрь-человѣкъ не знаетъ и готовъ

Онъ безъ конца изобрѣтать мученья ²⁾).

И если въ драмѣ „Два Фоскари“ сынъ, воплощающій въ себѣ социальныя мысли, общественную идеологию, говоритъ:

Но мнѣ ужасна мысль

Объ одиночествѣ: я родился

Для общества ³⁾,

то старикъ дожъ, языкомъ котораго Байронъ, по преимуществу, высказываетъ свое міросозерцаніе, который въ драмѣ обрисованъ поэтомъ съ особой любовью и симпатіями, клеймить это общество суровымъ приговоромъ:

всѣ люди,

Отъ высшаго до низшаго, не больше,

Какъ жалкіе рабы! ⁴⁾).

И самъ Марино Фальеро, ратующій за освобожденіе Венеціи, этотъ любимый герой Байрона во второмъ періодѣ, опредѣляетъ людей, какъ „ничтожныхъ людишекъ, негодныхъ для выполненія дѣла“, ⁵⁾ и роковой вопросъ, вопросъ Гамлета,

¹⁾ Небо и земля. Хоръ духовъ.

²⁾ Пророчество Данта, II.

³⁾ Два Фоскари, д. II.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Марино Фальеро, V, ст. 2.

проникнутый глубокимъ скепсисомъ, встаетъ передъ умудрен-
нымъ опытомъ и лѣтами дожемъ:

О міръ!

О родъ людской! скажи, что ты такое
Со сбродомъ всѣхъ пустыхъ твоихъ понятій,
Какимъ даешь ты имя добрыхъ дѣлъ? ¹⁾

Мы еще разъ напоминаемъ то, что уже нами подчеркива-
лось: именно, борьба и мысль, поддерживающая эту борьбу,
направлены по волѣ поэта и осуществляются во имя отвлечен-
ной идеи свободы; освобождаемые отходятъ на задній планъ,
потому-то насъ не должны удивлять приведенные мнѣнія и при-
говоры героевъ и борцовъ за освобожденіе. И если Фальеро—
Байронъ могъ такъ рѣзко оцѣнивать человѣчество, то въ
устахъ Байрона—Сарданапала подобная оцѣнка будетъ вполне
естественной и послѣдовательной: „Такія же сердца у псовъ
моихъ—нѣтъ, лучше, почестнѣе. Я обращаю въ пустыню владѣ-
нія мои и стану въ нихъ травить звѣрей,—что были по при-
родѣ своей людьми, но стали не людьми по своему желанью“ ²⁾.
Ставъ на такую точку зрѣнія, Байронъ, конечно, долженъ
былъ бѣжать отъ современнаго ему человѣка. Но человѣческое
начало вообще, заложенное въ нетронутыхъ, первобытныхъ
людяхъ, сильныхъ и прекрасныхъ, было ему дорого и близко,
можетъ быть, оттого, что въ самомъ себѣ онъ носилъ ихъ
благородныя черты. Несомнѣнно только, что это была при-
чина, побудившая его обратиться къ библейскимъ сюжетамъ
и съ такой любовью изобразить первенцевъ міра, правдивыхъ
и непосредственныхъ, обаятельныхъ въ своей первобытности.
Это же чувство подсказало ему созданіе, непосредственно
вслѣдъ за мистеріями, его послѣдней благоухающей поэмы
„Островъ“, въ которой связь съ современностью порвана
окончательно, въ которой принципъ осуществимости счастья
и блаженства земного признается только въ идеальной перво-

¹⁾ Марино Фальеро, IV.

²⁾ Сарданапалъ, д. I, сц. 2.

бытной древней общинѣ. Въ этомъ смыслѣ обѣ мистеріи и „Островъ“ тождественны, и созданіе ихъ относится какъ-разъ къ тому времени, когда появлялся „Донъ Жуанъ“, сатира, обрекающая нынѣшнее человѣчество, съ ея антисоціальными, уже указанными строфами, изъ которыхъ одна—въ предпоследней пѣснѣ (что очень характерно, ибо является выводомъ изъ долгихъ размышлений, руководившихъ поэтомъ во время созданія сатиры) — заканчивается уже знакомымъ мотивомъ:

На грани двухъ міровъ, средь тьмы и свѣта
Мерцаетъ жизни тусклая звѣзда.
Зачѣмъ на свѣтѣ люди? Нѣтъ отвѣта;
Грядущее жъ темно. ¹⁾

Но въ темнотѣ этого грядущаго Байронъ могъ уловить мелькающія радостныя звѣзды. Онъ могъ надѣяться, что въ иной атмосферѣ, при иномъ жизненномъ укладѣ формируются другіе характеры, родятся иныя человѣческія личности. Залогъ возможности образованія такихъ лучшихъ людей, поэтъ, какъ индивидуалистъ, видѣлъ въ себѣ, въ своемъ исключительномъ я. Прошлое, правда, очень далекое, и, слишкомъ отчасти, настоящее укрѣпляло вѣру въ темное грядущее. Насажденіе благотворной свободы было прямой необходимостью для расцвѣта людей будущаго. Для нихъ надо было готовить почву; отсюда—радостное участіе поэта во всѣхъ освободительныхъ движеніяхъ, чтобы, хоть гдѣ—нибудь, закрѣпить и упрочить исчезнувшую изъ міра свободу. Ради этого будущаго стоило признать цѣнность жизни и міра, которая въ настоящее время была слишкомъ незначительна. Антисоціальность Байрона была безусловной по отношенію къ современности и современникамъ (это мы уже подчеркивали неоднократно), но она, разумѣется, не могла имѣть мѣста при мысли обѣ истинныхъ людяхъ, грядущихъ герояхъ жизни.

¹⁾ Донъ Жуанъ, XV, 99.

„Но хочешь вѣрить, что въ героѣ
„Пылаетъ пламя неземное,
„Плѣняя насъ, внушая страхъ“¹⁾.

Онъ хотѣлъ и умѣлъ вѣрить.

Много отвлеченности и неопредѣленности въ этихъ идеяхъ, но во имя идеи прекрасна борьба, тѣмъ болѣе борьба за свободу, которая очиститъ и обновитъ міръ.

Мужай, свобода! адрами побитый,
Твой поднять стягъ наперекоръ вѣтрамъ;
Печальный звукъ твоей трубы разбитой
Сквозь ураганъ доселѣ слышенъ намъ.
Цвѣтовъ ужъ нѣтъ. Ужъ по твоимъ вѣтвямъ
Прошелъ топоръ, и стволъ твой обнажился,
Но жизни сокъ еще струится тамъ,
Запасъ сѣмянъ подъ почвой сохранился,
И лишь весна нужна теплѣй, чтобъ плодъ развился.²⁾

Байрону не суждено было дожить до этой весны; вѣру же въ нее онъ могъ унести съ собою въ могилу.

Но, чтобы окончательно уяснить себѣ причину появленія въ творчествѣ и жизни поэта Прометеевскаго періода и на-ростанія видимой гуманности и человѣчности, необходимо взглядѣться въ психологическую сущность этого вопроса. Вспомнимъ, что Байронъ былъ глубоко активной натурой; допуская его исконную антисоціальность, мы должны при-знать, что эта активность действительно требовала дѣятель-ности, выражавшейся въ борьбѣ. Бороться съ самимъ собою, со своими переживаніями и страстями, подобно Гяуру и Ман-фреду, все время было немислимо и слишкомъ тяжело. Дѣйствиіе безъ опредѣленной цѣли, въ родѣ паломничества Чайльдъ-Гарольда или опасныхъ приключеніи Корсара, скучно и бесплодно, а главное, не можетъ удовлетворить сказавшаго про себя: „вся жизнь моя—борьба со дня рожденія“. Идеи

¹⁾ Ода Наполеону Бонапарту.

²⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, IV, 98.

носимъ. Отсюда, какъ прямое логическое слѣдствіе, вытекаетъ, что борьба направится противъ нея, ибо угнетенные, хотя и не достойные, малолюбимые, лучше презрѣнныхъ угнетателей, уже въ силу своихъ страданій, сблизившихъ ихъ съ поэтомъ, носителемъ тягчайшихъ скорбей. Кромѣ того, въ угнетенной массѣ есть надежда своимъ примѣромъ зажечь искру огня Прометея и совмѣстными усиліями приготовить счастливый строй жизни для грядущихъ поколѣній, уже независимыхъ и прекрасныхъ. Тираны же безнадежны и осуждены навсегда.

Однако, кромѣ массы, именуемой человѣчествомъ, и деспотовъ, существуютъ люди, сильные духомъ, волей и разумомъ, призванные къ истинному господству надъ народами и своею мудрою властью ведущіе ихъ къ счастью и благу. Это тѣ властители, которыхъ мы имѣли въ виду, сравнивая въ началѣ главы Ничшеанскую идею власти съ идеей власти Байрона; это тѣ властелины, которые являются для поэта образцомъ настоящаго человѣка, залогомъ его воплощенія въ будущемъ. Въ дневникѣ 1813 г. онъ пишетъ: „быть *первымъ* въ народѣ—не диктаторомъ, не Суллой, но Вашингтономъ или Аристидомъ—руководителемъ жизни въ силу справедливости и опираясь на талантъ—участь, равняющая человѣка съ божествомъ ¹⁾).

Такихъ сильныхъ и благородныхъ властелиновъ—Цезарей Байронъ хотѣлъ видѣть въ прошломъ—въ дождѣ Фальеро; въ римскомъ трибунѣ XIV вѣка Кола ди-Ріенци, „носителѣ римской доблести“, по выраженію поэта, и, наконецъ, въ могущественной личности Наполеона, какъ представителѣ настоящаго. Плѣнялъ поэта и образъ Вашингтона; но о немъ Байронъ говоритъ больше вскользь. По той ли причинѣ, что былъ онъ, выдвинувшійся и дѣйствующій въ сказочной и отдаленной Америкѣ, и самъ слишкомъ далекъ для европейца; или въ немъ было мало той аффектаціи, того блеска, которые сопровождали Наполеона и были любви Байрону;

¹⁾ Веселовскій. Байронъ, 85.

Пушкинисть, I.

или былъ онъ слишкомъ мѣстнымъ героемъ (хотя по существу героизмъ его міровой), тогда какъ слава и дѣятельность Бонапарта была, по истинѣ, міровая,—сказать затруднительно. Но въ отношеніи Байрона къ великому американцу не чувствуется той душевной созвучности, какая присуща его отношеніямъ къ Наполеону. ¹⁾

XVI.

Наполеонъ былъ въ полномъ смыслѣ „героемъ его романа“ къ нему постоянно возвращается мысль поэта, ему было пріятно сознаніе, что начальныя буквы Noel Вугон и Napoleon Bonaparte оказывались совпадающими и словно сближали эти два имени; но въ тоже время отношеніе Байрона къ великому Императору—самое загадочное, что есть въ исторіи жизни поэта. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку генія Наполеона, но необходимо отмѣтить, что много было общихъ чертъ у двухъ изумительныхъ гражданъ начала XIX вѣка. Особенно роднили ихъ могучее проявленіе воли, необузданная активность и сила личности. Высказывая въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“ по адресу Наполеона негодованіе и упреки, Байронъ не могъ не отмѣтить эти близкія ему черты сильнаго духа:

Онъ палъ. То были-ль мудрость, сила воли,
Иль гордость, но онъ муку скрыть умѣлъ. ²⁾

Это преодоленіе своихъ страданій высоко цѣнилъ поэтъ въ сказочномъ Прометееѣ и самъ въ большой мѣрѣ обладалъ имъ.

Что касается активности, какъ вѣчной жажды борьбы, оказавшейся трагичной для Наполеона, то она изображена въ приведенныхъ выше словахъ:

Онъ былъ за то низринуть, что съ покоемъ
Мириться былъ не въ силахъ. ³⁾

¹⁾ Обращеніе къ Наполеону см. Чайльдъ-Гарольдъ I, 53; III, 18—20; 36—44; IV, 89—92., Ода къ Наполеону Бонапарту; Прощаніе Наполеона: съ французскаго; Ода съ французскаго; Бронзовый вѣкъ.

²⁾ Чайльдъ-Гарольдъ 39, III.

³⁾ Ibid. 42.

Сила же личности Наполеона проявилась въ исторіи его удивительной жизни.

Въ виду общности этихъ чертъ, Наполеонъ, пожалуй, былъ единственный, котораго Байронъ могъ бы назвать своимъ собратомъ. „Но мнѣ не хочется“,—писалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ послѣ отреченія Бонапарта—„покидать его даже теперь, хотя всѣ его поклонники отпали отъ него, какъ таны отъ Макбета“. И въ то же время много строфъ, полныхъ возмущенія и желчи, раскинуто въ поэзіи Байрона, обвиняющихъ и клеймящихъ Наполеона. Наиболѣе жестокимъ выраженіемъ этихъ гнѣвныхъ выпадовъ является знаменитая „Ода къ Наполеону“, написанная по случаю отреченія. И, несмотря на ея озлобленный тонъ, чувствуется, что ненависть, звучащая въ ней, продиктована исключительно любовью поэта къ императору. Да, Байронъ любилъ его и хотѣлъ въ немъ видѣть то, чего у Наполеона не было, но чѣмъ обладалъ самъ поэтъ. Въ Наполеонѣ не было чертъ Вашингтона и, завладѣвъ міромъ, онъ не думалъ о насажденіи той свободы міра, о которой грезилъ Байронъ и которой ждалъ отъ императора, отъ его воли и которую самъ упрочилъ бы, если бъ суждено ему было принять и носить корону Греціи. За неосуществленіе этой грезы онъ клеймилъ его „побочнымъ сыномъ Цезаря“, „тираномъ ничтожнымъ“¹⁾, такимъ,

какъ всѣ земные боги:

Изъ бронзы—лобъ, изъ глины ноги²⁾.

Но все же окончательно не могъ отрѣшиться отъ своей вѣры въ него, въ возможность водворенія свободы именно при помощи такой индивидуальности и, когда Наполеонъ былъ обреченъ уже на вѣчное заточеніе, Байронъ его устами высказалъ свои завѣтныя мысли:

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, IV, 90.

²⁾ Ода къ Наполеону.

Прощай же, о Франція! Если жъ свободы
Святыя призывы воскреснуть въ странѣ,
И мертвыхъ фіалохъ завѣтныя всходы
Опять расцвѣтутъ,—не забудь обо мнѣ ¹⁾.

Попраніе идеи свободы, актъ отреченія, какъ признакъ жалкаго малодушія, оскорбляли поэта. Въ упомянутой „Одѣ“ онъ рѣзко указалъ Наполеону, чего могла требовать отъ него благородная, героическая личность:

Былъ день, былъ часъ: вселенной цѣлой
Владѣли Галлы; ими—ты.
О если бѣ въ это время смѣло
Ты самъ сошелъ бы съ высоты,
Маренго ты бѣ затмилъ сіянье.
Объ этомъ днѣ воспоминанье
Всѣ пристыдило бѣ клеветы ²⁾.

И нужно было кровавое зарево Ватерлоо, чтобы вновь примирить Байрона съ развѣнчаннымъ императоромъ.

Въ Наполеонѣ, какъ разъ, не было того героическаго благородства, того чувства великаго достоинства, которыя были развиты въ совершенствѣ у Байрона. Гармоническую натуру поэта раздражало отсутствіе гармоніи въ императорѣ—гармоніи въ его личности, въ его жизни и дѣйствіяхъ, и это вызывало страстныя строки:

Когда бѣ одинъ, сражаяся съ врагами,
Онъ подъ напоромъ бури изнемогъ,
Какъ башня, что ведетъ борьбу съ годами,
Весь родъ людской онъ презирать бы могъ.
Но онъ престоломъ былъ обязанъ міру.
Предъ тѣмъ, чтобы глумиться надъ толпой,
Какъ Діогенъ, онъ снятъ съ себя порфиру

¹⁾ Прощаніе Наполеона.

²⁾ Ода къ Наполеону.

Обязанъ былъ; вѣнчанному кумиру
Позорно циника изображать собой ¹⁾).

Байронъ имѣлъ право на мизантропію и презрѣніе къ людямъ: онъ отъ нихъ ничего не бралъ и не искалъ никогда ихъ ничтожной помощи. Не онъ, а человѣчество, враждовавшее съ нимъ, осталось его неоплатнымъ должникомъ.

Наполеонъ для Байрона былъ „маленькимъ бѣднымъ кумиромъ“, какъ онъ самъ называлъ его въ дневникѣ отъ 8 апр. 14 г. Байронъ могъ смотрѣть на него, если не сверху внизъ, то, во всякомъ случаѣ, какъ на равнаго, хотя въ томъ же дневникѣ находимъ выраженіе: „я насѣкомое въ сравненіи съ нимъ“. Но это выраженіе случайное, ибо только равный, нравственную власть и силу имѣющій, можетъ гнѣвно обличать и негодовать и сознавать въ то же время всю справедливость своихъ упрековъ и возмущеній. Недочетамъ Наполеона, какъ героической личности, Байронъ могъ противопоставить свой цѣльный, благородный характеръ, свою изумительную нравственную мощь (см. стр. 572 т. I. Байрон. примѣч.).

И вотъ, не взирая на временное раздраженіе противъ Наполеона, на сознаніе его ошибокъ и пороковъ, поэтъ испытывалъ до конца дней своихъ уваженіе и привязанность къ своему герою. Это была, такъ сказать, любовь органическая, ибо онъ все же признавалъ, насколько безпримѣрная индивидуальность Наполеона доминируетъ надъ тщедушнымъ человѣчествомъ; насколько онъ великъ въ своей силѣ и умѣньѣ господствовать надъ толпой; насколько, наконецъ, онъ можетъ приблизиться къ идеѣ „героя будущаго“.

„Бронзовый вѣкъ“—это послѣднее упоминаніе о погибшемъ императорѣ. Послѣ упрековъ, обращенныхъ къ нему за жалкое влеченіе жизни подъ надзоромъ раба, оно кончается вѣчной памятью его славы и угасшей силѣ:

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ 41, III.

Все жъ это имя островъ освятить,
Какъ талисманъ, чью святость міръ почитать;
И, проходя со всѣхъ концовъ земли,
Съ высокой мачтой въ морѣ корабли
Пошлютъ ему ликующій привѣтъ ¹⁾.

XVII.

Послѣдней типической чертой, отмѣченной нами въ духовномъ складѣ личности Байрона, былъ индивидуализмъ, „индивидуальная страстность“, какъ характеризуетъ ее Георгъ Брандесъ. Изъ этого индивидуализма, стремящагося къ постоянному выявленію своей личности, своего Я, къ противопоставленію ея всему міру, враждебному ему обществу, всей стихіи современной жизни, непосредственно вытекала характерная черта Байронова творчества—его субъективизмъ.

Байронъ—субъективнѣйшій изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ. Мало того, онъ самый идейный, самый законченный представитель того направленія въ литературѣ, которое удобнѣе всего назвать эгоцентризмомъ. „Лордъ Байронъ“,—сказалъ о немъ Маколей: „представлялъ въ самомъ себѣ начало, середину и конецъ всей своей поэзіи, былъ героемъ каждаго разсказа, главнымъ предметомъ въ каждомъ ландшафтѣ“ ²⁾. Такъ оно и должно было быть. Во время Байрона подлинныхъ героевъ не было; ихъ приходилось или искать въ далекомъ прошломъ, или создавать собственнымъ воображеніемъ, надѣляя своими, наиболѣе подходящими для героической личности, чертами.

Субъективизмъ въ творествѣ поэта шелъ двумя путями: во-первыхъ, Байронъ подъ разными именами, въ разныхъ

¹⁾ Бронзовый вѣкъ, IV.

²⁾ Маколей. Критич. и историч. опыты. 1860 г. Муръ,—Жизнь Лорда Байрона, стр. 355.

положеніяхъ создавалъ самого себя; во-вторыхъ, онъ, если изображалъ не аналогичную съ собою личность, то помѣщаль ее въ такую обстановку, которая соотвѣтствовала данному періоду его жизни, или схожая обстановка и переживанія какого-нибудь лица побуждали Байрона приняться за возсозданіе его.

Въ большинствѣ случаевъ имѣемъ дѣло съ первымъ видомъ субъективизма. Въ самомъ дѣлѣ, большинство героевъ всѣхъ трехъ періодовъ надѣлены типическими чертами самого автора, въ чемъ мы могли убѣдиться, разсматривая параллельно эти черты въ жизни поэта и дѣйствующихъ лицъ его произведеній. Это не его герои страдали и мыслили; это онъ самъ скорбѣлъ и говорилъ устами ихъ. Онъ даже сумѣлъ отождествить себя съ Дантомъ въ его „Пророчествѣ“, вложивъ въ міросозерцаніе гибелина конца XIII вѣка свои свободолюбивыя мысли, и принять на себя обликъ Тасса въ его мучительной „Жалобѣ“. Конрадъ и Лара, Гяуръ и Манфредъ до того близки къ создавшему ихъ, что недоумѣваешь, гдѣ кончается душевное переживаніе Байрона и начинается таковое дѣйствующаго лица. Особенно сближаетъ поэта съ его героями чувство одинокой скорби и беспощадный индивидуализмъ, отвергающій тѣсное общеніе съ людьми.

Весьма любопытенъ для Байронова субъективизма его „Сарданапаль“, отголосокъ, какъ можно предполагать, венеціанскаго періода въ жизни поэта, когда онъ пытался усвоить, съ цѣлью забвенія, эпикурейскую мудрость. Здѣсь субъективизмъ его, выражающійся и въ нѣкоторой антисоціальности взглядовъ ассирійскаго владыки и въ отношеніи къ женщинамъ, которыхъ много, но сердце принадлежитъ одной, соприкасается съ какимъ-то мистическимъ провидѣніемъ своей грядущей судьбы. Это таинственное предчувствіе слышится въ восторженныхъ словахъ Мирры:

Тотъ человекъ, который, бывши съ дѣтства
До зрѣлыхъ лѣтъ у женщинъ на рукахъ,

Становится внезапно Геркулесомъ
И съ пира въ бой, какъ въ брачную постель,
Кидается,—вполнѣ, вполнѣ достоинъ,
Чтобъ въ дѣвушкѣ—гречанкѣ онъ нашель
Любовницу и въ греческомъ поэтѣ—
Пѣвца себѣ и въ греческой могилѣ—
Свой памятникъ ¹⁾).

Мы знаемъ, въ какой мѣрѣ это пророчество сбылось.

Не стоитъ говорить о двухъ грандіозныхъ поэмахъ—дневникахъ Байрона, „Чайльдъ-Гарольдъ“ и „Донъ Жуанъ“, ибо это есть поэтическая исповѣдь мыслей и настроеній автора, а герои—только подставныя лица, центры, вокругъ которыхъ эти мысли могли бы группироваться.

Что касается субъективизма второго вида, именно, созданія аналогичной съ жизнью поэта обстановки, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе частый мотивъ изгнанія съ родины. Байронъ съ любовью останавливается на образахъ Данта, Джакомо Фоскари, Каина, далекихъ ему по ихъ сущности, но близкихъ въ силу ихъ обреченности, и со скорбнымъ чувствомъ слѣдитъ за ихъ трагической судьбой. И хотя свое удаление изъ родины поэтъ перенесъ довольно спокойно и впоследствии, какъ было указано, относился къ ней не болѣе задушевно, чѣмъ къ другимъ странамъ, тѣмъ не менѣе, обстановка, сопровождавшая его изгнаніе, была унижительна и тяжела, и чувство обиды оказалось углубленнымъ и не изжитымъ. „Изгнанье — худшій плѣнъ“, — сказала Байронъ устами Данта и далѣе прибавилъ: „Что сдѣлалъ я тебѣ, народъ жестокой? Ты всякой злобы перешель предѣлъ. Какъ гражданинъ, стоялъ я внѣ упрека“ ²⁾).

Кромѣ мотива изгнанія, мы встрѣтимъ въ поэзіи Байрона другіе случаи изображенія тождественной обстановки. Такъ,

¹⁾ Сарданапаль, III.

²⁾ Пророчество Данта, пѣснь IV.

въ „Беппо“ имѣемъ несомнѣнное изображеніе жизни поэта въ качествѣ „Чичисбея“; въ „Мазепѣ“ запечатлѣна любовь юнаго пажы къ молодой, прекрасной графинѣ Терезѣ, женѣ престарѣлаго графа, и, хотя въ Мазепѣ нельзя узнать Байрона, но любовная обстановка, несомнѣнно, близка поэту, и героиня „Мазепы“ носитъ имя женщины, любимой имъ въ то время (Тереза Гвичіоли); наконецъ, въ „Преображенномъ“ уродѣ находимъ отголосокъ страданій Байрона, вызываемыхъ сознаниемъ дефекта въ ногѣ, и тяжелыхъ отношеній съ матерью, попрекавшей его въ минуты гнѣва этимъ недостаткомъ.

Такъ выражался субъективизмъ творчества поэта. И если, благодаря ему, поэзія его казалась однообразной и монотонной, то на это можно отвѣтить словами того же Маколея, что „никогда не бывало такого разнообразія въ монотонности, какое встрѣчается у Байрона“ ¹⁾. Кроме того, если субъективизмъ—отрицательная сторона творчества, въ чемъ мы сомнѣваемся, то онъ съ избыткомъ искупается той красотой, тѣмъ героическимъ благородствомъ мысли и настроеній, тою, наконецъ, благостной силою, которыми одарены всѣ созданія Байрона.

XVIII.

„Кто любь богамъ, тотъ долго не живетъ“, — пророчески сказалъ Байронъ ²⁾ и „дѣйствительно“ погибъ слишкомъ молодымъ, слишкомъ рано вступивъ въ иную полосу жизни и примѣняя свои силы къ тому, къ чему всю жизнь стремился ихъ приложить.

Не намъ судить и размышлять, что могъ бы онъ еще дать міру и чѣмъ его удивить. Достаточно уже и проявленнаго имъ, созданнаго и пропѣтаго!

Носитель непримѣрной скорби, влекущей къ нему человечество, умѣющее любить и цѣнить великія муки, претер-

¹⁾ Маколей. Ibid.

²⁾ Донъ Жуанъ. IV, VII.

пѣваемыя его героями; ищущій исхода этой скорби въ постоянномъ дѣйстви, героической борьбѣ; одаренный титанизмомъ воли; страстный индивидуалистъ съ антисоціальнымъ настроеніемъ по отношенію къ современности, ибо онъ постигъ полное банкротство ея духа, увидѣлъ, что она, какъ андерсеновскій король, щеголяющій „якобы“ въ новомъ платьѣ, обманываетъ себя и другихъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, нога и безнадежна,—таковъ „гражданинъ вѣчности“ Гордонъ Байронъ. Таковъ тотъ, про котораго зачарованный Ламартинъ сказалъ:

Toi, dont le monde encore ignore le vrai nom
Esprit mysterieux, mortel, ange ou démon.

Исключительное благородство его природы увѣнчиваетъ собою его духовный обликъ. Прибавимъ къ этому искренность и естественность характера поэта, такъ ярко выразившіяся во всѣхъ его сатирахъ, въ беспощадной борьбѣ съ ханжествомъ, притворствомъ и лицемѣріемъ, а также въ его симпатіяхъ къ первобытной простодушной общинѣ (поэма „Островъ“), къ благороднымъ, нетронутымъ характерамъ первыхъ вѣковъ человѣческой жизни, мы уяснимъ вполнѣ Байронову личность и подлинную сущность созданнаго имъ направленія. Байронизмъ важенъ, не какъ явленіе литературное, формальное, но какъ явленіе духа. Въ человѣческой природѣ искони заложено (хотя порой и притупляется) стремленіе къ мятежному, скорбному, вслѣдствіе неудовлетворенности, активному протесту и къ самоутвержденію своей личности. Въ этихъ стремленіяхъ, составляющихъ основную идею байронизма, и заключается его непреходящее живоносное значеніе для настоящихъ и грядущихъ поколѣній.

„Моей излюбленной мечтой было жить, какъ солнце, какъ оно—умереть, „говорить въ „Разбойникахъ“ Шиллера (д. III, ст. 2) Карль Мооръ. Эти красивыя слова напращиваются на память,

когда думаешь о Байронѣ. До сихъ поръ, сквозь толщу годовъ, смотришь на его ослѣпительный образъ, прикрывъ глаза рукою.

Байронъ былъ чрезмѣрно великъ для своихъ современниковъ и не могъ быть въ должной мѣрѣ оцѣненъ ими. Если, какъ художникъ, онъ соотвѣтствовалъ своей эпохѣ, то какъ человѣкъ, онъ, несомнѣнно, человѣкъ будущаго.

Обыкновенно Байрона сравниваютъ съ Прометеемъ. Но есть образъ, болѣе подходящій для него, съ которымъ онъ самъ отождествилъ себя въ одномъ изъ очень субъективныхъ произведеній съ автобіографическими чертами. Это произведение—„Преображенный уродъ“. Герой его, хромоногій горбунъ Арнольдъ, въ которомъ можно узнать самого поэта, принимаетъ на себя, по волѣ духа, свѣтзарный обликъ храбрѣйшаго героя Троянской войны Ахилла. Байронъ со своей обаятельной красотой, неумирающей склонностью къ античной Греціи, со своимъ гордымъ мужествомъ и истиннымъ героизмомъ можетъ слиться въ сознаніи человѣчества съ немеркнувшимъ образомъ благороднаго и беззавѣтно храбраго эллина Ахилла.

Пусть царства постигаетъ распаденье,
Забудеть міръ—настануть времена—
Рабовъ, тирановъ, смерть ихъ и рожденье,
Но не умрутъ такія имена.
И доблесть, горней высотъ равна,
Переживетъ въ безсмертіи страданье
И встрѣтитъ солнце чистою она,
Какъ на вершинахъ Альпъ снѣговъ блистанье,
Не тающихъ во вѣкъ, чистѣйшихъ въ міроздань¹⁾.

В. Красновъ.

¹⁾ Чайльдъ-Гарольдъ, III, 67.

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцией проф. С. А. Венерова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Фототипія и Типогр. А. Ф. Дресслера, Б. Подъяческая, 22.
1914.